

*Есть имена, произнося кото-
рые, мы должны снимать шапку.
Ватутин, Черняховский, Ефремов,
Карбышев, Панфилов... Это под-
линные герои войны.*

Маршал Советского Союза
А. М. Василевский

Глава 1

ИЗ РОДА СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Село Чепухино* затерялось среди невысоких меловых гор, которыми богаты здешние чернозёмные края. Само село небольшое — всего 74 двора. Поэтому жители зовут его на свой лад — Чепухинкой. Такое уменьшительно-ласкательное название им привычнее и милее. А себя они величают просто — чепухинцами. В далеком XVII веке казак Аким Чепухин забил тут первый кол, от фамилии и пошло название населенного пункта. Не стало дело и за жителями. Вскоро казак перевез на новое место свое семейство.

Пошло прибавление и со стороны. Из ближайших крепостей — Палатовской и Валуйской стал здесь селиться отставной служилый люд. Пушкари, стрельцы, казаки, ямщики... Нравилось им здесь. В лесу — зверь и дичь нестреляные, в речке — рыба неловленная, а в угодьях — травы некошенные да плоды несобранные. Вчерашние служилые строили дома, создавали семьи, обзаводились хозяйством. К началу XX века в казенном селе Чепухино Валуйского уезда Воронежской губернии насчитывалось 511 селян, из которых мужского пола было 264 человека и 247 — женского. В селе имелись Архангельская церковь, два общественных здания, земская школа и винная лавка.

Чепухино расположено в просторной зелёной долине. Нет с ним рядом больших городов, не проходят через него ни почтовые тракты, ни каторжные пути. Поэтому новости страны, губернии и даже уезда доходят до этого тихого местечка с опозданием, а спокойная, размеренная жизнь селян лишь изредка нарушается веселой свадьбой или шумными проводами чепухинских парней в армию.

* В 1958 году Указом Президиума Верховного Совета РСФСР село Чепухино было переименовано в Ватутино, в память о генерале армии Н. Ф. Ватутине.

Если смотреть на Чепухино сверху, то его белые хаты-мазанки под соломенными и камышовыми крышами чем-то напоминают дружное семейство грибов подберезовиков на лесной опушке. По одной стороне Чепухина торопливо бегут, искрятся под летним солнцем то золотом, то серебром прозрачные воды речки Палатовки. На другой — выстроились в один длинный ряд меловые горы, очень похожие на пузатые амбарные мешки с мукой или сахаром. От солнечных лучей горы тоже переливаются и блестят, как рыбная чешуя, вкраплениями кварцитов и сердоликов. Вскрабаться на самую высокую гору, обозреть оттуда соколиным взором родное село — один из первых экзаменов для чепухинских мальчишек.

Хата семьи Ватутиных стоит прямо у подошвы высокой меловой горы. Гору эту Колька Ватутин покори́л, когда ему исполнилось пять лет. С передышками он преодолел тогда многометровое расстояние. На самой макушке горы во всю гулял вольный степной ветер, едва не сбивая с ног, но настырный пацаненок выдержал испытание и добился своей цели. Он гордо стоял на вершине, теплый забияка-ветер обдувал его счастливое загорелое лицо, трепал белые, как лён, вихрастые волосы на голове. А внизу, словно на ладо-ни, в полуденной дреме лежала родная Чепухинка, вся уто-пающая в подсолнухах, вишневых и яблоневых садах. Хаты казались маленькими, а люди во дворах и на улицах были такими же мелкорослыми, как он сам.

«Родился 16 декабря* 1901 г. в семье крестьянина в селе Чепухино Валуйского района Курской области**», — написал будущий полководец в автобиографии, хранящейся в его личном деле. — До Великой Октябрьской революции родители занимались земледелием, причем до 1911 года отец жил в общей семье со своими двумя братьями и несколькими сестрами. Возглавлял семью мой дедушка. Семья в тот период по численности достигала до 25–26 человек и имела одно общее хозяйство — зажиточное, состоявшее из одной хаты, надворной постройки, ветряной мельницы, конной молотилки и 3–4 лошадей. Земли было: надельной до 15 десятин и кроме того почти ежегодно бралось в аренду у помещика до 10 десятин. Наемный труд не применялся...»

* По новому стилю или 3 декабря по старому.

** Валуйский район был создан на месте одноименного уезда в 1928 году и вошёл в состав Центрально-Чернозёмной области. В 1934 году он был передан в Воронежскую область, а в 1954-м — в Белгородскую, куда входит и сегодня.

Между тем корни Ватутина, как считают некоторые исследователи его жизни и деятельности, отнюдь не крестьянские, хотя во всех заполняемых анкетах в графе «социальное происхождение» Ватутиным собственноручно записано: «Из крестьян». То, что семья Ватутиных крестьянская, подтверждают и результаты Всероссийской переписи населения 1897 года по Валуйскому уезду.

Но вот что пишет в своей книге «Воронежское дворянство: Случайные заметки любителя-генеалога» известный русский генеалог Л. М. Савелов: «Ватутины принадлежали к обедневшим дворянам, которые впоследствии перешли в сословие крестьян». Родословную дворян Ватутиных Савелов разыскал в новгородских землях. Именно там жил в XV веке Михаил (Михал) Ватутин, а его потомок упоминается в деле об убийстве в 1591 году царевича Дмитрия в Угличе. Далее Савелов из новгородской ветви рода выделяет ветвь Ватутиных, обосновавшихся в Новоторжском уезде. Позднее представители этой линии служили в городе Короче и имели свои поместья в Валуйском и Ливенском уездах, то есть в краю, где как раз и родился наш герой. В пользу версии о дворянском происхождении предков Николая Федоровича служит тот факт, что Ватутины никогда не были крепостными, а принадлежали к так называемым государственным крестьянам, частью которых становились обедневшие дворяне.

К сожалению, Савелов по каким-то причинам не смог дальше проследить генеалогию Ватутиных. Однако в материалах других исследователей находим интересующие нас страницы родословной Ватутина. В частности, выходец из здешних мест, краевед П. А. Сопин, изучив ревизские, писцовые и переписные книги города Валуйки, установил несколько имен однодворцев Ватутиных, имевших непосредственное отношение к родословной героя нашего повествования. Это — Емельян Савельевич Ватутин, которому за безупречную службу вблизи города Валуйки была выделена земля, и Степан Кириллович Ватутин, служивший в рейтарах. В переписи жителей города Валуйки за 1792 год также встречается Петр Иванович Ватутин — однодворец.

Предки последнего были выходцами из слободы Большие Липяги Валуйского уезда и являлись служилыми людьми Палатовской крепости, построенной в 1671 году по указу царя Алексея Михайловича казаками Острогожского полка для защиты Русской земли от набегов нагайцев и крымских татар.

Их служба проходила в рейтарском полку. Таких полков, созданных в России, было двадцать пять, и один из них квартировался в Валуйском уезде. В войсках русской конницы рейтары принадлежали к так называемым частям «Нового строя», отличались отменной выучкой и были прекрасно снаряжены. Служить в таких полках считалось за честь. «Конница щеголяла множеством чистокровных лошадей и хорошим вооружением», — свидетельствовал современник.

В Чепухине потомок рейтаров Петр Иванович Ватутин объявился между 1763 и 1782 годами. По другим источникам, он пустил корни в здешних местах намного раньше, в 1740 году. Как гласят документы, прибыл сюда прапрадед Николая Федоровича Ватутина вместе со своим семейством. Семья у Петра Ивановича была большая: жена Дарья Ивановна; дети: сыновья Фотей, Прокофий, Матвей, Абрам, Ермолай и дочери Евфимия и Евдокия.

Дальше семейный формуляр Ватутиных оказался незаполненным вплоть до Григория Дмитриевича Ватутина. Однако сведений об этом человеке мы сегодня имеем намного больше, чем о других предках нашего героя. Григорий Дмитриевич приходится полководцу родным дедом. Документы, воспоминания людей, его знавших, свидетельствуют, что Григорий Ватутин 18 лет служил в кавалерии — самом престижном роде войск того времени и не жалел живота своего ради родного Отечества.

Особенно Григорий Ватутин отличился на полях сражений Русско-турецкой войны 1877—1878 годов, а именно при взятии турецкой крепости Плевны. Несколько месяцев у ее стен шли тяжелые, кровопролитные бои. Трижды наши войска штурмовали Плевну, потом долго осаждали и все-таки заставили гарнизон под командованием Осман-паши капитулировать. В плен сдались 10 генералов, 2128 офицеров, 41 200 солдат. Осман-паша, раненный в ногу, отдал свою саблю победителям. Дивизия прославленного генерала М. Д. Скобелева, а именно в одном из ее эскадронов служил Ватутин, до конца участвовала в блокаде. В октябре 1877 года скобелевцы блокировали турецкие окопы, опоясав их своими траншеями, словно стальными обручами. Турки не раз пытались выбить русских, но успеха не имели.

Сам генерал Скобелев пребывал в одной из траншей рядом со своими солдатами и лично отправлял на вылазки охотников, давая им наставления — как воевать с врагом, как выбивать его штыками. Во время одной из ночных выла-

зок Григорий Ватутин был ранен, но из боя не вышел. После был отправлен в госпиталь, куда Скобелев прислал ему, раненому солдату, конверт, а в нем лежал Георгиевский крест. На конверте генерал собственноручно начертил:

«В траншеях, 31 октября 1877 года.

Кавалеристу Ватутину, согласно обещания, за распорядительность, мужество и храбрость, оказанную в деле с 29 на 30 октября. За Богом молитва, за царем служба не пропадет. От души поздравляю тебя, уважающий Михаил Скобелев».

За почти два десятка лет службы Григорий Ватутин прошел верхом в жестком седле со своим эскадром не одну сотню верст, поучаствовал в разных боях и сражениях. Был мечен и пулей, и клинком. Однако о войне и жарких схватках на горных вершинах Шипки, на полях под Плевной и Софией, где потерял немало боевых товарищей, о тяготах и невзгодах, которые пришлось пережить и перенести, Григорий Ватутин вспоминать не любил. Зато часто пел — это занятие ему нравилось, и, похоже, песня уносила его в далекую и лихую кавалерийскую молодость:

Как решил султан турецкий
С нами шутку пошутить,
Он собрал господ пашей-начальников,
Стал им речи говорить,
Раз, два, три,
Стал им речи говорить:
«Господа паши-начальнички мои!
Я султан, султан турецкий,
Всему царству голова,
Я задумал думу крепку
И хочу вам рассказать:
В семьдесят седьмом году
Хочу с русским воевать,
Раз, два, три,
Хочу с русским воевать...»

Но правда и то, что, когда внук просил деда рассказать о войне, он тому никогда не отказывал. Усадив маленького Колю на колени и закурив трубку, старик начинал неспешный рассказ о том, как «ослобонял» братьев-славян от турок, как ползал по-пластунски по кремнистой плевенской почве и как с самим «Белым генералом» ходил в контратаки на супостата... Впрочем, мысленно представим диалог деда и внука.

— Дедусь, а кто такой «Белый генерал»? — спрашивает у него внук.

— Его превосходительство генерал от инфантерии Михаил Дмитриевич Скобелев, — по военному четко, потрясая указательным пальцем, отвечает дед. — Таких генералов, как он, я боле на этом свете не встречал. Где это видано, чтоб генерал с солдатом в одной траншее сидел и кашу с ним из одного котелка ел?! Для него ж — дело обыденное. Суворов, сказывают, таким был. А «Белым генералом» его прозвали за то, что он всегда перед офицерами и нами, солдатами, появлялся в белом мундире и на белом коне. В такой форме он был как будто заговоренный — ни одна пуля его не брала...

— Дедусь, а ты с «Белым генералом» часто встречался?

Дед берет в рот трубку, делает глубокую затяжку, затем медленно выпускает изо рта клубы едкого махорочного дыма.

— Вот как с тобой — кажий божий день виделся, когда в траншеях вместе сидели, — с гордостью говорит он. — Лично от него и крест Святого Егория получил...

В начале 90-х годов прошлого столетия, когда Россия горько оплакивала поражение своей армии в Русско-японской войне, дед, подобно многим другим соотечественникам, часто грустно вздыхал и восклицал:

— Эх, нет у нас Скобелева, он бы показал треклятым япощкам, где раки пучеглазые зимуют!..

Первый биограф Н. Ф. Ватутина М. Г. Брагин пишет, что дед Григорий Дмитриевич Ватутин был «умный, честный, суровый старик. Он прослужил в свое время 18 лет в кавалерии, привык к распорядку и установил дома строгие правила». И далее: ...«однако все знали, что нет на селе более отзывчивого и справедливого человека, чем Григорий Дмитриевич, и не было случая, чтобы он не помог попавшему в беду человеку. Внешняя замкнутость, суровость и одновременно отзывчивость и доброта передались от деда Григория многим Ватутиным».

Отец будущего полководца, Федор Григорьевич, был по натуре такой же честный, отзывчивый, работающий и молчаливый. Ватутин в автобиографии так рассказывает о нём: «В 1911 году отец отделился от общей семьи и продолжил заниматься сельским хозяйством, имея средняцкое хозяйство, состоявшее из одной-двух лошадей, одной коровы и около десяти-одиннадцати десятин наделной земли».

Уместно сказать, что с детства Коля очень уважал сво-

его отца, а став взрослым, говорил о нем только с душевной теплотой.

Мать, Вера Ефимовна, всегда была в трудах и заботах. Она первой поднималась до зари и последней ложилась спать. Все спорилось в руках этой подвижной и старательной женщины — готовила ли она пищу или жала рожь, шила ли одежду или ткала холст... А ещё на ее руках было пять сыновей — Павел, Николай, Афанасий, Семен, Егор и четыре дочери — Матрена, Дарья, Елена, Клавдия, которых она заботливо растила и воспитывала.

По воспоминаниям детей, отец с матерью жили в любви и согласии, радовались появлению каждого нового ребенка. В этой многодетной трудолюбивой семье и рос будущий полководец. За одним столом все Ватутины не умещались. Как уже сказано, вкупе с семьями братьев отца семейства насчитывало 25 человек. Но обедать или ужинать всегда собирались вместе. Зимой в хате ставили два больших стола. Тесновато, но, как говорится, в тесноте да не в обиде. Зато летом места всем хватало, поскольку трапезничали на свежем воздухе. Расстилали во дворе на траве широкую длинную холстину, служившую скатертью, расставляли по углам миски на семью каждого сына, раскладывали ложки, крестились, а затем под громкую команду деда: «Садись!» — дружно принимались за еду.

Так было и в работе. Наступало время сеять — вся семья, от мала до велика, трудилась в поле. Но поскольку нашему герою было еще рано управлять лошадью или идти за плугом, он вместе с дедом выполнял обязанности севца. И не было для маленького Коли большего счастья, как шагать с холщовой сумкой через плечо по теплой весенней пашне и разбрасывать сначала в одну сторону, затем — в другую горсть за горстью зерна пшеницы. А приспевала сенокосная пора — опять вся семья выходила на сочные луга, чтобы заготовить сено для многочисленной домашней живности — лошадей, коров, овец... И хотя у Коли еще не хватало силенок, чтобы махать косой и валить тяжелые росные травы, без дела не сидел: ворошил граблями валки, помогал складывать сухое сено в копны.

Вообще детство Коли мало чем отличалось от детства таких же, как он, чепухинских ребятшек: они рано общались к нелегкому крестьянскому труду, быстро взрослели. Но хватало времени и на забавы. Зимой одним из главных увлечений Коли и его друзей было катание на санках с меловых гор. Взбирались на самую высокую и отту-

да, взяв старт, летели наперегонки вниз. Каждый из мальчишек старался показать свою сноровку, ловкость, умение управлять санками и проехать на них как можно дальше, с большой скоростью. Бывало, санки с ездоками сталкивались, переворачивались. Итог — санки в разные стороны, а ездоки головами в сугробы. Домой Коля возвращался весь в снегу, с красными от мороза щеками... И сразу к печке, отогревал руки, ноги...

Летом развлечений было побольше. Ходил со старшим братом Павлом в ночное с лошадьми, на рыбалку, купался со сверстниками в реке... Эх, как же было замечательно! Особенно на рыбалке. Раннее утро. Красным тяжелым диском, нехотя отрываясь от горизонта, над сонной землей поднимается солнце. Густые пахучие травы от обильной росы, словно в серебре. Над рекой плывет туман. В прибрежных камышах звенят комары. В просыпающейся реке отчетливо слышны всплески играющей рыбы. Во времена детства и юности Ватутина рыбы в реке Палатовке водилось много, ловили ее бреднем, кобылками, удочками. А бывало, что в качестве снастей использовали подол рубахи или старый мешок. На рыбалку обязательно брали с собой не только снасти, но и чугунок, в котором обычно варили уху из окуньков, щурят, пескарей или картошку в «мундире».

В 1909 году, восьми лет от роду, Коля пошел в земскую школу с четырехлетним обучением. Школа находилась в «караулке» — так называли чепухинцы сторожку при церкви. В «караулке» имелись четыре крохотные комнатухи с маленькими подслеповатыми окошками. В двух жили сторож и школьный учитель. А в двух остальных были устроены классы. Учителя звали Николай Иванович Попов. Настоящий народный учитель, сеявший доброе, вечное, вводивший сельских ребят в мир знаний.

Как пишет биограф Брагин, учитель Попов был замечательным педагогом, он заботился о своих учениках, развивал в них любознательность, пробуждал любовь к родному краю, русской литературе, истории России. Учитель также организовал кооперативную лавку (ее казначеем был избран пользовавшийся репутацией честнейшего человека Федор Григорьевич Ватутин), привлек к работе своих учеников. Они должны были не только помогать учителю, но и решать при этом арифметические задачи: сколько нужно кооперативу мешков для соли и бочек для дегтя, сколько досок потребуется, чтобы околотить эти бочки. Правда, ко-

оператив не смог выдержать конкуренции с местными лавочниками, но крестьяне долго вспоминали о нем добрым словом.

Николай Иванович часто проводил уроки среди живой природы. Вместе с учителем ребята ходили по окрестным полям и лесам, где познавали окружающий мир: какие растения и деревья растут в их краю, какие звери и птицы обитают в окрестных дубравах и какие виды рыб водятся в речке Палатовке. Еще одним увлечением учителя и его учеников было проведение раскопок древних курганов, которых много сохранилось в здешних краях. Первым помощником учителю был Коля Ватутин. Во время раскопок юные археологи находили монеты, различные предметы утвари. Все находки потом становились экспонатами школьного краеведческого уголка.

Учеба старательному ученику Коле Ватутину давалась легко. Закон Божий, математику, грамматику, другие предметы он осваивал быстрее и лучше своих сверстников. По этой причине он все четыре года подряд оставался лучшим учеником в школе.

— Ваш Коля — очень способный ученик, ему не то что в классе — в округе нет равных, всё схватывает на лету, — нахваливал его родителям учитель. — Таких, как он, нельзя отрывать от учения. Мальчику обязательно нужно учиться дальше.

В 1913 году Коля успешно окончил школу. В свидетельстве, которое ему выдали, стояли только отличные оценки. Родители, конечно, порадовались за успехи сына. Как-никак, а их Колька первый ученик на селе. Но и ближайшее будущее отрока они к тому времени тоже определили.

— Не обижайся, сынок, но учеба твоя закончилась, — без всяких предисловий сказал, как отрезал, отец. — Читать, считать, писать научился — и на сём хватит. Сам знаешь, сколько у нас ртов, а работников — я, мать да братка твой Пашка. Где уж тут продолжать образование?! Так что помощником ты будешь в самый раз.

Как вспоминали потом родственники, после объявления такого приговора Коля стал сам не свой. Он молча вышел из хаты, тяжелые, словно свинец, слезы текли по щекам. Присев на корточки в темном углу сарая, мальчик горько заплакал. Его несколько раз звали кушать. Но ему никого не хотелось ни видеть, ни слышать. Обида жгла сердце. И лишь тогда, когда темная вуаль сумерек опустилась на землю, когда стихли родительские разговоры, он покинул

свое убежище. Однако в хату спать не пошел. Лёг на телегу, подложил под голову обе сложенные руки и долго-долго смотрел на усыпанное звездами небо, так и не уснув до утра.

Возможно, через день-другой, забыв все обиды, Коля бы смирился со своей незавидной судьбой. Но вмешался случай. Близ села, на бугре, неподалеку от речки разбил свои шатры цыганский табор. Пока ромы* распрягали лошадей, разводили костры — их жены, брэнча монистами и серьгами, пошли по дворам промышлять и добывать пропитание. Во двор к Ватутиным заглянула средних лет цыганка, встретив там нашего героя:

— А кликни-ка, хлопче, маты!

Из хаты вышла Вера Ефимовна. Зная о том, что у цыган в голове только одно на уме, как бы ловчее человека обмануть, Вера Ефимовна недоверчиво посмотрела на незваную гостью. И тут же хотела её благословить на все четыре стороны. Но цыганка, будто угадав мысли хозяйки, сразу взяла инициативу на себя.

— Не прогоняй меня, милая, — сверкнула она своими ярко-черными глазами. — Давай-ка, милая, на твоего белобрысого погадаю. Я судьбы, как книжки, читаю. По рукам, на бобах, на картах...

— А что на него гадать, — ответила Вера Ефимовна, прижав к себе сына. — Ему и так от нашей крестьянской доли никуда не деться...

— Ой, не скажи, милая, не скажи, — сказала цыганка, вынимая откуда-то из своих многочисленных юбок колоду карт. Затем, пристально посмотрев на мальчишку, разложила карты.

— Умный, шибко умный, он у тебя, милая, — продолжила гадалка. — По всему белому свету слава громкая о нём пойдёт. Вспомнишь потом мои слова. А пока посеребри мне ручку...

Факт встречи матери и сына с цыганкой со ссылкой на сестёр нашего героя привел в своей книге «Юность генерала Ватутина» писатель В. В. Колесник. «И ведь всё сбылось, — говорила одна из них. — И про учёность его, и про славу...» Еще, как свидетельствовала она, цыганка якобы сказала Вере Ефимовне о том, что придет страшная беда и ее сын погибнет в разгар своей славы, но произойдет это не скоро.

Поверила ли тогда Вера Ефимовна в пророчество гадал-

* Р о м ы — самоназвание цыган.

ки или нет — ответа через версты времени нам уже не найти. Однако, по утверждению сестер, после ухода цыганки между родителями вновь состоялся разговор о дальнейшем продолжении учебы Коли. Но окончательное решение ими было принято после посещения их дома учителем, который, узнав, что его ученик дальше учиться не будет, заглянул к ним вечером на огонек.

— Фёдор Григорьевич, что ж вы хлопцу дорогу закрываете? — без всяких заходов начал разговор Николай Иванович. — Разве вы не видите, как он к грамоте тянется?

— Цветок тоже к небу тянется, да выше берёзы никогда ему не вырасти, — не задержался с ответом отец. И продолжил: — Что учёному за плугом ходить, что неучёному — разницы нету никакой...

— Тут вы правы, Фёдор Григорьевич, — согласился учитель. — Но учеба даст ему возможность выбраться на свет божий, на широкую дорогу. Сколько из простого сословия вышло великих людей! Получив образование, он ведь может потом стать учителем, бухгалтером, доктором...

— Генералом, — вставил свое словечко, будто пику в мишень воткнул, присутствовавший при разговоре дед.

— А что? Чем чёрт не шутит! Бог знает, может и генералом ему суждено стать, — поддержал деда Николай Иванович. — Одним словом, учиться ему дальше надо!

Трудно сказать, что в самом деле повлияло на родителей: волшебные чары цыганки или убедительные доводы учителя, но судьба сына наконец-то была решена — он едет учиться!

Быстро, словно июльская гроза, пролетело лето. В один из последних его дней дед Григорий запряг лошадь, сложил в телегу нехитрые пожитки школяра и съестные припасы.

— Ну, внучек, прошу садиться... Довезу, как генерала.

«Генерал» Ватутин, попрощавшись с родителями, братьями и сестрами, радостно залез на телегу, плюхнувшись в душистое сено. Щелкнули вожжи. Лошадь слегка вздрогнула.

— Но-о-о-о! — протяжно подал команду дед. — Трогай, родимая!

Вослед мать трижды перекрестила сына:

— С Богом!

Мелькнули перед глазами Коли заплаканные лица матери, сестер и младших братьев, камышовая крыша хаты, серый кот на плетне и большой рыжий петух-драчун перед воротами... Зацокали копыта, заскрипели колеса, отме-

ря путь версту за верстой. Меловая дорога убегала в синешую впереди даль и звала за собой.

Город Валуйки, куда вскоре дед привез Колю учиться в двухклассном земском училище, являлся уездным центром Воронежской губернии. Основанный в далеком 1593 году на Муравском шляхе как город-крепость для защиты южных границ Русского государства, Валуйки много повидали и испытали на своем веку.

Издrevле в этом городе жили казаки, стрельцы, пушкари... А его стены мечены и стрелами крымских татар, и ядрами пушек польских шляхтичей, и пулями литовских рыцарей. Здесь располагались таможня, пограничная стража, почтовые и посольские учреждения, где происходил обмен послами и пленными между Московским государством и Крымом.

Некогда по улочкам Валуек хаживал Петр I. Во времена его царствования город был одним из отправных пунктов для Азовских походов. Именно отсюда русские войска маршевым порядком уходили воевать с турками. В Валуйках государь оставил о себе добрую память: пожаловал деньги на строительство нового храма, собственноручно сделал его чертеж, а также подарил три иконы — Владимирской, Смоленской и Тверской Божией Матери.

Когда в 1708 году вспыхнуло восстание Кондратия Булавина, его кровавые сполохи докатились и до Валуек. Однако служилый народ, верный присяге, отказался выступить на стороне бунтовщиков. Сам же город стал одним из тех мест, куда направляли плененных повстанцев. Примечательно, в крепости под арестом содержались сын и жена Булавина.

Отметились в разное время в Валуйках еще два народных заступника — Степан Разин и Емельян Пугачев. Первый пытался поднять служилых людей идти против царя. Но те, несмотря на разинские посулы, так и не встали под его мятежные стяги. А второй, скрываясь от властей, под видом раскольника-старообрядца пробирался из Чернигова на Дон. В Валуйках, на посту пограничной стражи, будущий лжецарь Петр III, не вызвав никаких подозрений, получил штамп в паспорте и благополучно продолжил свой путь.

В глубине веков, порывшись, можно отыскать еще немало других страниц, связанных с историей этого небольшого городка-стража земли Русской. К их написанию в разные годы напрямую был причастен и род Ватутиных, о

чем уже было сказано в повествовании. Продолжать писать новые страницы теперь предстояло нашему герою.

И хотя Валуйки находились неподалеку от Чепухино — всего в каких-то двадцати с лишним верстах, маленькому Коле казалось, что он попал чуть ли не в тридевятое царство. Многое для него здесь было впервые. Пыхтящие клубами дыма паровозы, словно драконы, на станции. Снующие по мощенным булыжником улицам брички и дрожки разных фасонов. Великое множество разодетого народа на Красной площади — именно такое название носила площадь в Валуйках. Обилие магазинов и лавок с яркими вывесками... Да и здание училища, где Коле предстояло учиться, поражало своим внешним видом: кирпичное, двухэтажное, с большими светлыми окнами*. Куда там затрапезной чепухинской «караулке»!

На жительство наш герой был определен в Казацкую слободу, в «собственный дом» семейства Силиных, глава которого приходился племянником деду. Но «собственным домом», как писал один из биографов Ватутина, оказалась обычная хата с большой комнатой. В этой комнате и обитало многочисленное семейство. Не сказать, что приезде родственника здесь шибко обрадовались. Приняли сдержанно, выслушали деревенские новости, накормили, выделили угол для проживания. Так началась для Коли жизнь в уездном городе.

Каждое утро наш герой торопился в училище, которое находилось на Харьковской улице. «Ходил Ватутин в синей рубашке-косоворотке, чёрных брюках, заправленных в сапоги. Он был невысокий, коренастый, светловолосый», — описала его портрет одна из одноклассниц.

Путь в училище был неблизкий — ежедневно Коле приходилось пешком отмерять пять километров туда и пять обратно. И не важно: сыпал ли нудный октябрьский дождь или кружила колючая февральская метель... Как рассказывали потом его сверстники, ради знаний Коля готов был топтать хоть сто верст с гаком и при любой погоде.

Уроки всегда начинались с молитвы, которая проходила в актовом зале. Ученики и преподаватели стояли в почтительном молчании перед огромным портретом царя и сияющей золотом иконой.

— Препоблагий Господи, ниспошли нам благодать Духа

* Сегодня в здании училища располагается Валуйский историко-художественный музей.

Твоего Святого, — громко звучал в тишине басовитый голос священника отца Николая.

Молитва длилась полчаса. Дальше, согласно расписанию, шли занятия по другим предметам учебной программы. Как в школе, так и в училище Коля с первых дней учебы стал прилежным учеником. По знаниям, по развитию он значительно опережал своих сверстников.

Впоследствии П. И. Стефаний, одноклассница Ватутина, дала ему такую характеристику: «Сам Коля учился хорошо, но был вредный: мы, девчонки, слабо успевали по математике, но когда пытались списать у него решение задачи, он не позволял, говоря при этом: “Думай сама!”».

Интересные воспоминания об училищной поре оставил близкий друг будущего полковника И. И. Насонов. Вот его рассказ: «Среди сверстников заметил я паренька на вид худощавого, небольшого роста. Он учился в одном классе со мной. Это был Коля Ватутин из деревни Чепухино. После окончания с отличием церковно-приходской школы его, как лучшего ученика, направили для продолжения учёбы в Валуйки, в двухклассное уездное училище. И здесь он был одним из одарённых, которого преподаватели нередко ставили в пример. Я хорошо знал материальное положение Коли. Жилось ему тяжело. Получал пособие — три рубля в месяц, жил на частной квартире в пригородной слободе Казацкой. Одет был бедно. Нередко выпадали дни, когда Коля голодал. Естественной была его тоска по дому. Мы с ним часто поднимались на Шип-гору и смотрели в ту сторону, где в дымке терялось родное Чепухино. По праздникам вместе ходили домой, через Рождественскую гору. Коля любил петь. Выйдем за околицу, и он начинает: “Помните, братцы, как вместе сражались под городом Львовом...” Мы с Андрейкой, нашим другом, подхватывали песню. Забывали в этот миг все горести и невзгоды жизни...»

И еще из его воспоминаний: «Случилось как-то такое, что Николай на уроке Закона Божия заигрался спичками, и из-под стола пошёл лёгкий дымок. Священник Николай Рыбников насторожился: “Это ещё что?” И тут же потребовал, чтобы Ватутин выложил спички и сдал учебники. А это уже означало исключение из училища. Будущий генерал так сильно плакал, что успокаивать его пришлось самим учителям. Как лучшего ученика, его всё-таки простили, и учёба продолжилась...»

Через год грянула Первая мировая война. И хотя залпы её орудий грохотали далеко — за многие сотни верст — хрип-

лые раскаты этих залпов незримо присутствовали и в Валуйках, и в людских сердцах. Ежедневно через станцию на фронт шли литерные эшелоны с пушками, снарядами, полевыми кухнями, солдатами, лошадьми, а оттуда — встречные с ранеными, беженцами... Школы, помещения спиртоводочного завода были отданы под лазареты. Ночную тишину города часто разрывали громкие причитания женщин, грустные звуки гармошек и песни крикливых пьяных новобранцев:

Прощай, папаша и мамаша,
Прощайте, все мои друзья!
Прощайте, все мои кусточки,
Прощай, любимая моя!

В один из дней ушел на фронт и Колин отец. Не осталось вне войны и училище. Перед началом уроков учителя в обязательном порядке зачитывали своим воспитанникам сводки с фронтов, печатавшиеся в газетах. Нередко плановые уроки заменялись внеплановыми, на которых Коля с товарищами обмётывал портянки, упаковывал посылки для солдат-земляков, воевавших в составе 290-го пехотного Валуйского полка на Северо-Западном фронте. Кроме того, учащиеся, в числе которых был и Коля, регулярно бывали в лазаретах, где устраивали концерты для раненых, писали от имени фронтовиков, не знавших грамоты, письма их родным и близким.

В 1915 году Коля успешно окончил училище. Как лучшему выпускнику ему была предоставлена возможность продолжить образование. Для этого в уездном городе ежегодно объявлялся специальный конкурс «на стипендию в коммерческое училище для способнейших из оканчивающих начальные школы Валуйского уезда». Однако экзамены были очень строгие, но Коля их выдержал и был сразу зачислен на третий курс коммерческого училища, находившегося в большой торговой слободе Уразово, в тридцати километрах от уездного центра.

«Это учебное заведение было открыто Валуйским уездным земством 1 сентября 1910 года и первоначально называлось земским реальным училищем; через два года оно было переименовано в коммерческое училище, — вспоминал позднее однокашник Ватутина по училищу Г. Ф. Денисенко. — Кроме хорошей библиотеки училище имело химическую лабораторию, а с 1914 года при училище стал работать

небольшой завод по переработке фруктов и овощей. Учёба в училище стоила очень дорого — 100 рублей в год, что равнялось в то время годовой оплате взрослого мужчины на сельскохозяйственной работе. Поэтому в первые годы половина учащихся была земскими стипендиатами, набравшимися по конкурсному экзамену... Стипендиаты обязывались по окончании училища и поступлении на работу полностью уплатить земству израсходованные на них средства. Одним из таких стипендиатов и был Н. Ф. Ватутин. Для стипендиатов при училище был интернат со строгим режимом закрытого учебного заведения, где постоянным правилом было соревнование воспитанников в учёбе...»

И далее: «Ватутин был моим школьным товарищем, он был так же, как и я, земским стипендиатом и учился в Уразово в коммерческом училище. Мы с ним два года жили в одном общежитии, но он был на четыре года моложе. Это был мальчик небольшого роста, очень аккуратный и дисциплинированный, крайне выдержанный и вежливый. Учился он хорошо. Но особенно любил свою Чепухинку и часто ездил туда из Уразово».

Однако учиться Коле было суждено всего лишь два года. Наступивший 1917 год внес в его судьбу, как, впрочем, и в судьбы миллионов людей, свои поправки. С пронизывающими февральскими ветрами в Валуйки пришла весть о Февральской революции и об отречении императора Николая II от престола. А дальше всё закружилось в неистовом вихре. Шумные непрекращающиеся митинги под лозунгом «Долой царя!». Рабочие и солдаты с красными бантами на одежде. Горластые, словно утренние петухи, ораторы-говоруну. Клятвы, обещания, призывы, обличения...

Наш герой стал невольным свидетелем всех этих событий, перекатами катившихся по краю. Под громкие и восторженные крики «ура-а-а!» рушилась работавшая прежде вся государственная система. Вскоре Коля ощутил это на себе: ему перестали выплачивать стипендию. Впоследствии в автобиографии Ватутин напишет: «В 1917 году весной стипендия была прекращена, и я вынужден был бросить учебу, закончив лишь 4-й класс училища».

Недоучившимся Коле домой ехать не хотелось. Но и деться было некуда. В семье обрадовались его возвращению. За время учебы он повзрослел, возмужал. Так что как работник он был очень кстати. А дел и забот на селе никогда мало не бывает: то посевная, то сенокос, то уборочная... И всегда для Коли находилась работа, а выпадало свобод-

ное время — учил грамоте младших братьев и сестер и сам много занимался самообразованием. Чуть позже подвернулась и постоянная работа — его взяли переписчиком в волостное правление. Деньги там платили хотя и небольшие, но, как любил говорить дед Ватутина, «копейка к копейке и проживет семейка». Так и жили.

На должности переписчика и застала Колю очередная революция, теперь уже Октябрьская. И опять народ повсеместно забурлил, радуясь концу войны, одновременно требуя землю и свободу. В Чепухинке самым насущным вопросом стал вопрос о земле, поскольку новая власть отменила частную собственность на нее и передала в управление волостным комитетам и уездным Советам. Вернувшиеся с войны солдаты-фронтовики истосковались по хлеборобскому труду и хотели как можно скорее получить свои наделы. Тем более что в некоторых соседних селах и хуторах помещичьи земли, имущество и скот уже успели поделить.

На очередном сельском сходе, а их тогда проходило много, Колю единогласно избрали председателем комиссии по разделу земли. Против и воздержавшихся не оказалось. «И ничего, что хлопцу нет шестнадцати годов, что мал ростом, — чуть ли не в один голос сказали люди на сходе, — зато он честный, грамотный, справедливый. Такой председатель нам и нужен». Однако дело, которое Ватутин-младший взвалил на свои юношеские плечи, оказалось не только ответственным, но хлопотным и беспокойным. По воспоминаниям односельчан-старожилов, процедура раздела земли проходила трудно, болезненно. Мужики постоянно конфликтовали, выказывали недовольство. Случалось, в ход шли не только кулаки, но и колья. Уже распределенные наделы перемеряли по нескольку раз на дню. Причем наиболее крикливыми были те мужики, которые никогда не держали в руках плуга, не пахали и не сеяли.

— Мы кровь проливали! Ежели обмеришь — гляди, мы острастку на тебя быстро съедем! — с нотками угрозы орали они.

В такие минуты председатель комиссии Ватутин всегда старался сохранить выдержку и спокойствие. И одновременно он умел разрешить спор, убедить кипятившихся земляков в том, что межа между их наделами проведена правильно. Так проходил наш герой свои первые жизненные университеты. Постоянно общаясь с людьми, юный Ватутин познавал сложный мир человеческих отношений,

накапливал управленческий опыт, что в последующем ему, командиру Красной армии, не раз пригодится.

Между тем установившаяся в уезде советская власть продержалась недолго. Уже весной 1918 года в Валуйский уезд нагрянули германские войска. Повсюду зазвучала грубая немецкая речь. В мундирах цвета фельдграу* и тяжелых сапогах, в стальных рогатых шлемах, с большими ранцами за плечами и винтовками с примкнутыми штык-ножами — такими запомнились германские вояки Ватутину.

Приход кайзеровских войск явился следствием событий, происходивших в 1917–1918 годах на Украине. Провозглашенной Центральной радой в ноябре 1917 года Украинской Народной Республике (УНР) был отмерен короткий срок. В январе–феврале 1918 года в Киеве и на всей территории Украины утвердилась советская власть. Однако Советы не сумели её удержать. На Украину после заключения Брестского мира вступили немецкие войска. В обмен на военную помощь против Советской России УНР обязалась поставить Германии и Австро-Венгрии до 31 июля 1918 года 1 млн тонн зерна, 400 млн штук яиц, до 50 тысяч тонн мяса крупного рогатого скота, а также сало, сахар, пеньку, марганцевую руду. 1 марта германскими войсками в Киеве была вновь приведена к власти Центральная рада, а вскоре при поддержке Германии главой Украины стал П. П. Скоропадский, в недавнем прошлом генерал-лейтенант русской армии, а теперь «Его светлость ясновельможный пан гетман Всея Украины». В дальнейшем, используя в качестве формального повода отсутствие договора о границе между Советской Россией и Украиной, немецкие войска захватили ряд ключевых населенных пунктов на территории России, в том числе Белгород, Грайворон, Валуйки...

Сразу за немцами нагрянули шумливые гайдамаки с обвислыми, как у сомов и вьюнов, усами и украинской мовой. В широченных шароварах и в смушковых папахах. Белгородский, Грайворонский, Валуйский и другие уезды со смешанным русско-украинским населением были объявлены «споконвично украинськими» землями. Во вновь присоединенных к Украине уездах появились «герры коменданты», повитовые старосты и военно-полевые суды. Стали создаваться комендатуры как германские, так и украинские. В городах и сёлах выросли виселицы, начались массовые убийства. Граждан, уклоняющихся от рабо-

* Серый цвет с преобладанием зелёного пигмента.

ты на новых хозяев, арестовывали, заключали в тюрьмы. Оккупанты забирали у населения скот, рожь, пшеницу, масло, сало и всё награбленное вагонами отправляли в Германию.

Позже, 4 января 1919 года, газета «Воронежская беднота» писала: «Тяжело жилось трудящимся массам Валуйского уезда под игом гайдамаков и немцев. Порка, тяжелая контрибуция — вот что непрерывно испытывало на себе население. Хлеб, мясо и все продукты питания отбирались у крестьян беспощадно. Понятно, что все с нетерпением ждали восстановления Советской власти...»

Валуйский уезд оказался разделенным на две половины: одна его часть, включая Валуйки, была занята немцами и гайдамаками, другая — отрядами красных партизан, которые держали позиции по линии сел Мандрово — Никитовка (в северной части уезда). Чепухино находилось в партизанской зоне. Практически все мужское население села тогда встало на защиту своей земли. В уезде начала формироваться повстанческая армия, в которую вступили отец Коли Федор Григорьевич и старший брат Павел. Колю же оставили старшим мужиком на хозяйстве.

Но к концу 1918 года из уезда, словно огромные стаи ворон, снялись и разлетелись в разные стороны с награбленным добром и оккупанты, и гайдамаки. Немцы подались назад в Германию, где произошла революция. Гайдамаки, оставшись без поддержки союзников, пошли искать лучшую долю на бескрайних просторах Украины. По стране уже катилась огромным огненным клубком братоубийственная Гражданская война, разбрасывая искры по городам и весям. Брат пошел против брата. Сын против отца. Офицеры и солдаты некогда единой русской армии смотрели друг на друга сквозь прорези прицелов мосинских винтовок. Красные и белые. Белые и красные. Россия начала умыться кровью.

В июле 1919 года, прорвав фронт и смяв красные полки, в уезде обосновались части генерала А. И. Деникина, а потом другого белого генерала — А. Г. Шкуро. Правда, хозяйничали они недолго. Уже в ноябре того же года, будто грозная буря, пронеслись здесь лихие конники С. М. Будённого, освободив деревни и села от белогвардейцев. С приходом Красной армии большая война в здешних местах закончилась. Но все равно еще было неспокойно: рядом, в соседней Украине, промышляли бесчисленные банды и группы, которые нет-нет да и навевывались в гости, чтобы

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru